

І. ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: ДВЕ РУСИСТИКИ

Людмил Димитров

Болгарская литературоведческая русистика: Горе от самосознания

В настоящем изложении речь пойдет об академическом статусе и о бытии болгарской литературоведческой русистики. С одной стороны, это концептуально продуманный текст, а с другой — его можно воспринимать и как нестройные, „непричесанные мысли“, по определению Станислава Ежи Леца, на заявленную тему.

И все таки.

Само понятие „литературоведческая русистика“, смею утверждать, возникло или, точнее, определило свои семантические параметры недавно, во время первой конференции цикла „Классика и канон в русской литературе“ с подзаголовком „Болгарский взгляд“, состоявшейся в Софийском университете им. Св. Климента Охридского в 2011 году, на которой была сделана попытка представить полностью литературную русистику в Болгарии с различными аспектами ее деятельности: академические исследования, переводная рецепция, издательская политика, специализированная печать, театральная экспликация и т. д. Очень долгое время у нас говорилось просто о „болгарской русистике“ — формула, „институционализируемая“ одноименным журналом, просуществовавшим более тридцати лет и недавно бесславно „закатившимся“, „угасшим“ после того, как был присвоен недобросовестными эгоцентриками („нечистыми силами“). В нем смешивались языковедческая, литературоведческая, методическая и творче-

ская сфера усвоения русской культуры здесь, — что пренебрежительно и одновременно с этим бесцеремонно соединяет во едино и таким образом обрекает на анонимность отдельные звенья процесса, направленного на освоение пространства русского духа. Такое положение вещей наиболее удобно для осуществления административного контроля, с помощью которого, подводя под общий знаменатель индивидуальности разного экзистенциального профиля, легко можно злоупотреблять в целях идеологических и политических. Мы решили разграничить свои собственные интересы, не столько, чтобы определить раз и навсегда те области, в которых мы признаны, сколько, чтобы спровоцировать дебаты о сложном и неоднозначном толковании русского-через-болгарское. В сущности, сама идея созревала медленно в годы после того, как рухнул тоталитарный режим в Болгарии, период, которому уже четверть столетия, несмотря на то, что хронологически он находится в промежутке, „откусывающем“ конец XX и „начинающем грызть“ начало XXI века. Наше „самопровозглашение“ как самостоятельной академической единицы (мне очень хотелось бы употребить слово „общность“, но формирование таковой, думается, все еще не осуществилось до конца), может быть, показывает и наше тайное желание объявить, что на поле литературоведения этот переход уже закончился, и мы шагнули категорически в новый век / нашли правильный путь. Образно говоря, Алиса закончила продолжительное свое падение в тоннель и оказалась уже на твердой почве, на которой среди всех неожиданных чудачеств и вызовов у нее появилась возможность не только уменьшаться в росте и теряться, но и стремительно увеличивать свой рост, расти.

Иначе говоря, речь идет о возрождении литературоведческой русистики, что, как это бывает со всяким возрождением, остро ставит вопрос о необходимости в конструировании и восприятии конкретной идентичности: кто мы такие, соучастники на поле названной уже гуманитарной области: преподаватели, ученые, менторы, медиаторы — в смысле поколения, школы, академического статуса? Что было унаследовано нами, и что мы готовимся оставить в наследство?

Подхожу с убежденностью, что еще до того, как идентичность становится национальным и общностным проектом, она является проектом, главным образом, субъективным, индивидуальным — он кодифицирует дополнительные возможности выбора и вырабатывает стратегии в поисках образца того, какими мы хотели бы быть. В бытии болгарского литературоведа русиста ко всем семиосферам, придающим весомость нашему экзистенциальному основанию, обязательно прибавляется и профессиональный код. Наконец, мы стремимся ввести новый, стряхнувший с себя старые идеологически фильтрованные наслоения, рассказ о том, что такое — русское, и имеет ли оно под собой благодатную почву у нас сегодня. Спешу успокоить раздраженных „филов“ (т. е. в науке — фило-логов, фило-софов и т. п.): почва, разумеется, есть, но я все-таки рекомендую им быть начеку — на этой почве не все растет и не все возможно на ней привить. Включая и не все русское. Вот что имею в виду.

Первый экскурс

В новой истории — со второй четверти XIX века и до наших дней — после их *освобождения* (все равно кем), постфактум все народы на Балканах подвергаются унижениям и давлению, соответственно, устраниются от равноправного участия в естественных политических, социальных и культурных процессах в Европе, и, главным образом, в тех процессах, которые касаются их лично и которые изымаются от них и управляются приоритетно Великими силами. В контексте сказанного, у России всегда были и теперь есть, самые серьезные претензии на влияние, в особенности приоритетно на славянские балканские страны, так как „по презумпции“ она воспринимает их как нечто ей принадлежащее, как свой благодатный „придаток“. И ей удастся манипулировать ими и „держать в руках“ как через дешевые „поощрения“, которые обычно состоят в обещаниях или банкетах, так и чаще всего коварно прицеливаясь в сердцевину их / наших национальных мифов, обычно намереваясь подменить их в свою пользу. Мы,

болгары, например, тяжело и прочно уязвлены (тем более, что это происходило в период вроде бы самой тесной „дружбы“ с СССР, которая, по словам бывшего советского резидента и первого руководителя коммунистической Болгарии¹, „так же жизненно необходима, как солнце и воздух для всякого живого существа“) в результате выдуманного в 1945-ом году и официально признанного в 1967-ом году Москвой (МГУ и АН СССР) так называемого македонского языка. Этот злосчастный эксперимент приложен и к румынам — через выдуманный и признанный так называемый молдавский язык: не в историческом, а в современном аспекте, в качестве официального языка Молдавской ССР, „несовпадающего“ с румынским. И — отметьте — только в этих новосформированных странах (Македония, Молдавия) и в России изданы двуязычные словари соответствующих лабораторно-контрабандных „языков“-клонов и русского. Никогда в Болгарии, никогда в Румынии — сколь отчаянной ни была эта попытка проявить достоинство. Описанное положение имеет для нас и более глубокий символический смысл. Шестьдесят лет после Соединения² в 1885 году — определенно самостоятельный и ни с кем не согласованный, включая Россию, акт — реваншистский бумеранг возвращается в конце Второй мировой войны, вызывая новое (уже и территориальное) разъединение болгар.

На фоне этих (и других) реально осуществляющихся действий, в результате безоговорочно проводимой сознательной политики, в нашей национальной ментальности, прорываясь „деликатно“, преднамеренно и прочно располагается Россия — двукратная освободительница и благодетельница с необъятными рынками (это состояние можно проиллюстрировать знаменитыми строками Пастернака: „И дольше века длится день, / И не кончается объятье“ в сильно ироническом и даже саркастическом смысле — объятие, из которого нам невозможно вырваться). Но исторически Россия выделяла не-

¹ Имею в виду Георгия Димитрова (1882-1949). Фраза была сказана в 1946 году.

² Акт объединения Княжества Болгарии с Восточной Румелией 6 (18) сентября 1885 года.

малые ресурсы, чтобы спровоцировать события, которые серьезно компрометируют ее в глазах болгарского общества (например, попытка организовать покушение на князя Баттенберга³ в Москве в 1880-ом году, на князя, а позже царя Фердинанда⁴ в Болгарии между 1886 и 1892 годами, организация Соболевской акции в 1940 году, навязанный ограниченный суверенитет бывшим сателлитам коммунистического блока, известный как „Доктрина Брежнева“ с конца 1960-ых годов, и т. д.), поэтому сегодня нам трудно согласиться с постулатом (перифразируя Андерсена в переводе Александра Александровича Федорова-Давыдова): „Что бы дед (Иван) ни сделал — все хорошо“.

(Конец первого экскурса.)

Во время конференции „Классика и канон в русской литературе. Юбилей“ в начале ноября 2014 года профессор Владимир Кашеев задал мне небрежный, но для меня внезапный, почти пугающий вопрос: „А Вы чей воспитанник? Кто Ваши учителя?“. Признаюсь, я растерялся. И задумался. Как надо было ответить ему, и надо ли было отвечать ему вообще? Я мог бы выйти из создавшегося положения иносказательно, подчеркивая, что книги, у которых я учился — это „мои университеты“, но нельзя было в тот момент проявлять циничность — и по отношению к себе, и по отношению к русской литературе. Пусть не прозвучит кощунственно, но, как мне кажется, не только мы, но и наши преподаватели в Болгарии *не имеют* своих учителей (в смысле менторов) в указанной гуманитарной области. У нас нет отчетливо выраженной школы, исторически мы не восприняли ни одной генеральной стратегии прочтения русской литературы через определенный теоретический или интерпретативный дискурс. Интуитивно и

³ Александр Баттенберг (1857-1893) — первый князь Болгарии из германской династии Баттенбергов. Имею в виду покушение С. Халтурина в Зимнем дворце в Петербурге во время торжественного приёма в честь визита болгарского князя в Россию.

⁴ Фердинанд I (1861-1948) — князь в 1887-1908 годах, затем царь Болгарии (основатель Третьего Болгарского царства) в 1908-1918 годах, из Саксен-Кобург-Готской династии.

несистематически мы следовали за „модой“: исследования тартуско-московской группы, в какой-то момент неизвестно почему мы серьезно стали всматриваться в тезисы Михаила Бахтина, а в 80-ые годы был проведен неуспешный опыт воздвигнуть в культовый моделирующий принцип „неотесанную“ теорию Георгия Гачева о запоздалом ускоренном развитии болгарской культуры, соизмеряемой автором единственно с русской, хотя сама болгарская культура не предполагает подобного статус-кво. А, может быть, таким образом — избирательно, мозаично, комбинаторно, мы все-таки угадали, сами этого не хотя, парадигмы модного в наши дни *дистанционного* обучения? Шутки в сторону, но, если мы осознали, что наши учителя неизвестны, „никто“, тогда в чем гарантия, что мы станем известными или „кем-то“? Чтобы получить признание (это относится и к самому титулованному международному ученому), авторитет должен вырасти в соответствующей среде. Если в соседнем кабинете, на нижнем этаже, в университетском корпусе напротив работает нобелевский лауреат, можно проконсультироваться с ним, наблюдать за ним, „украсть“ его мастерство, скопировать его поведение, способ изложения мыслей, его подход к тексту. В Болгарии, увы, у нас нет такой возможности. Обучение на филологическом отделении организовано не как в академии искусств — в классах с художественным / научным руководителем — лидером, адептом образовательной методологии, чью школу студенты усваивают и продуцируют. Поэтому и впредь мы будем все так же собираться на открытых лекциях Тодорова, Кристевой, Эко, Деррида, Аверинцева, Рикера (до этого — Якобсона), и потом будем успокаивать себя необоснованным мнением о себе как о местной „величине“, бессильно и злобненько умаляя значение сказанного ими (в смысле: подумашь!).

Проблема на самом деле глобальна. Вокруг нас, русистов, не витают персональные мифы, мы как будто по презумпции лишены ауры. В известной степени мы сами в этом виноваты: не кричим, не рекламируем самих себя, у нас нет постоянного форума для выступления, да и соответствующие российские институции в Болгарии — культурный центр и посольство —

редко вспоминают о нас и не привлекают в свои проекты. Однажды я услышал, как одна дама с кафедры теории литературы таинственно и с уважением „шепнула“ свое свидетельское наблюдение о том, как профессор Никола Георгиев⁵, которого попросили на факультетском совете сообщить тему будущей филологической конференции, о чем никто его предварительно не предупредил, с легкостью сочинил блестящую формулировку в краткое мгновение между приглашением сделать это и поднятием со стула. Эта история долгое время вызывала восхищение не только распространяющей ее дамы, но и тех, кто услышал об этом и кто, в свою очередь, передавал историю своим коллегам. Подобную лестную шумиху, какой бы условной она нам ни казалась, невозможно услышать ни о ком из нас. Никому даже и голову не придет придумать ее. Мы находимся где-то в самом конце очереди в иерархии литературоведческих дисциплин: самыми „тяжелыми“ считаются теоретики, с ними конкурируют специалисты по болгарской литературе, потом идут преподающие иностранные литературы — западноевропейские и славянские, — и где-то после них или около них смиренно сидим мы и тихо беседуем между собой: безобидные, не заслуживающие особого внимания и подозреваемые как неблагонадежные демократы или откровенно русские шпионы, в зависимости от того, в какую сторону дует политический ветер. Наверное, нас догоняют единственно специалисты по методике, по отношению к ним поступают несправедливо из-за неважного авторитета школы. Но они нас не догонят.

Более того: не знаю, как это происходит, но, по моему давнишнему наблюдению, в Болгарии (и не только в Софийском, но и в провинциальных университетах) мы воспитываем „чуже-филов“ и болгарофобов. Не сознательно, конечно, но результат таков. У нас нет ни одного соседа-болгарофила, но на иностранных филологиях на нашем факультете мы выращиваем русо-, сербо-, греко-, румыно-, хорватско-, македонско- и даже — албанофилов. Последние два — под вопросом, но

⁵ Никола Георгиев (1937) — болгарский литературовед, теоретик, профессор Софийского университета.

встречаются и такие. А на болгарской филологии — если не совсем уж нигилистов, то в лучшем случае растим безразличных (с обязательным числом, конечно, счастливых исключений). Неужели идет речь о колеблющейся идентичности? Вряд ли, но, когда однажды я спросил у моего студента, который был в Белграде около недели, что произвело на него самое сильное впечатление, он вдохновенно перечислил главные достопримечательности сербской столицы, прибавляя мудро в заключение: „И вообще сербы — нация серьезная!“. Я спросил, что привело его к подобному заключению, потому что он не перечислил ничего другого, кроме сквериков, памятников, зданий и граффити. А он ответил: „Ясное дело“ — и снова повторил как свое открытие известные нам клише-стереотипы, суггестированные его хозяевами. И еще пример. Когда несколько лет назад я предложил профессора Петра Михайловича Бицилли — единственное высокое имя в болгарской академической русистике — в качестве патрона одной из наших факультетских аудиторий, я столкнулся с знаковым скептическим молчанием, сопровождаемым укоризненными взглядами „старой“ школы. И до наших дней аудитория остается, разумеется, неименованной. Соответственно, аналогичная аудитория, где преподается русский язык, была поименована именем академика Виктора Виноградова, хотя вообще не ясно, каковы его заслуги перед Болгарией, зато ее триумфальное открытие произошло в присутствии тогдашней первой дамы Российской Федерации Людмилы Путиной при усиленном присутствии охраняющей ее свиты.

Словом, этот случай — отличная иллюстрация разграничения „русский язык / русская литература, русская культура“. Языковедение так или иначе — наука агрессивная, проявление идеологического; литературоведение (история литературы) — наука скептическая, она притупливает идеологическое, вызывает сомнения в нем. Если возможно переформулировать и актуализовать слова отца Паисия⁶: „Ты, болгарин, знай свой род

⁶ Паисий Хилендарский (1722-1773) – болгарский просветитель, иеромонах, автор знаменитой книги „Славяно-болгарская история о народах и царях болгарских“ (1762), сыгравший огромную культурную роль в жизни

и язык!“, я бы воскликнул: „Ты, болгарин, знай не только свой язык, и другие языки знай, но не забывай свой род!“. Акцентирую на этом, так как в мою память врезалась шокирующая сентенция, высказанная одним польским профессором лет десять назад в Варшаве. Рассуждая над сложными историческими отношениями между Польшей и Россией (его спровоцировал русский ученый в ходе дискуссии), как и над крылатой фразой: „Курица не птица, а Болгария не заграница“ (в их варианте „Болгария“ была „Польшей“, но все равно), он пришел к грустному проблеску: „Нас русские не любят, но уважают; вас любят, но не уважают!“. Оставляю это без комментария, только передаю услышанное и запомнившееся.

Второй экскурс, более краткий

Очень важно знать, что наследство русистики в Болгарии датировано не с 1944 года, а гораздо раньше. В последнее время несколько раз мы отмечали создание этой академической специальности как самостоятельной единицы в Софийском университете, но это не было началом курсов русской литературы / культуры. Тогда (после 1944-го года) была спущена целенаправленная директива: левое должно прибрать к рукам „дистрибуцию“ русской культуры, следствием чего, к примеру, являлась задача, возложенная на верного коммунистической власти бывшего символиста Людмила Стоянова⁷ и его супругу, Марию Грубешлиеву⁸, переродившегося члена партии, издать „всего“ Пушкина и „всего“ Лермонтова; Младена Исаева⁹, избежавшего смертного приговора „фашистов“, „избрали“ перевести „Евгения Онегина“, а существовавшие до этого

нации. Перифраза цитата из этого произведения.

⁷ Людмил Стоянов (1886-1973) – псевдоним Георгия Стоянова Златарева. Писатель, поэт, переводчик, литературный критик.

⁸ Мария Грубешлиева (1900-1970) – поэтеса и общественный деятель.

⁹ Младен Исаев (1907-1991) – поэт и коммунистический деятель. Его перевод „Евгения Онегина“ с 1957 г.

удачные переложения Николая Хрелкова¹⁰ и Генри Левенсона¹¹ обходили молчанием, и т. д. Чествования отдельных писателей, как, например, 150-летие Пушкина в 1949-ом, 100-летие со дня рождения Чехова в 1960-ом и т. д.) проводились в контексте партийных „спевков“ с пленарными докладами высокопоставленных представителей партийной элиты: Былко Червенков, Цола Драгойчева, Пеко Таков, Тано Цолов, Мако Даков — все люди „благородных“ фамилий, правоверные академики и профессора, назначенные по целесообразности. И до наших дней у официальных посланников России в Болгарии проблемы не столько с русофилами (их, понимаемых как ценителей русской культуры, действительно много), а с тем, кого / какие группы считать русофилами.

(Конец второго экскурса.)

Остается вопрос: что делать с преподаванием русской литературы здесь, у нас? Релевантен языковедческому кодексу — Словарю — для литературоведов Канон. И так же, как правописание периодически обновляется, узаконивая в нормы проистекающие от узуса положения, так и канон следовало бы упорядочить, убрать из него неправомерно попавших или силой навязанных авторов, чье творчество отстаивает сомнительные и псевдоуниверсальные ценности. Ориентирующий критерий — выбор принимающей — в нашем случае, болгарской — культурной традиции. Контраргументом в это направление однако стоит вопрос: может ли посткоммунистический литератор, сформировавшийся частично или целиком в отвергнутую эпоху, смириться с равнопоставленностью русской с остальными литературами, читать ее как иностранную? Кажется, что мы, болгары, справились с этой проблемой сравнительно легко. В сущности, так поступил до нас и Иван Вазов¹². Он был русофилом только до времени, независимо от

¹⁰ Николай Хрелков (1894-1950) – поэт и публицист. Его перевод романа „Евгений Онегин“ вышел в 1936 году.

¹¹ Генри (болг. Хенри) Левенсон (1892-1963) – болгарский писатель, переводчик и дипломат. Перевел „Евгения Онегина“ в 1946 г.

¹² Иван Вазов (1850-1921) – патриарх болгарской литературы.

того, что в учебниках его отмечают единственно и только как такового. Поздний Вазов не говорит ни слова о России, не комментирует большевистскую революцию (а он скончался через четыре года после нее) — формально он нейтрален, но в частных разговорах с профессором Иваном Шишмановым¹³ видимо не одобряет имперскую политику Николая II по отношению к нам, увидев в ней отказ поддержать просперитет сильной Болгарии.

В заключении я бы сказал, что сегодня есть нечто, что категорически отличает активное поколение преподавателей / исследователей от предыдущих — наше самосознание болгар, преподающих русскую литературу как иностранную, и не склонных (с соответствующими индивидуальными оттенками) к услужливости по отношению к меняющейся идеологической конъюнктуре в России и в Болгарии, требующей собственной риторики (метадискурса) — (анти)горбачевщины, (анти)ельцинщины, (анти)путинщины, (анти)еэсеэсэсэрщины. В этом и коренится оптимистическая теория будущего литературоведа-русиста. Именно вопросное самосознание и есть наше „горе“, что на болгарском языке означает и „вверх“, „высоко“, „над“.

¹³ Иван Шишманов (1862-1928) – болгарский филолог, литературный критик, профессор Софийского университета.